

A large, faceted alexandrite gemstone is the central focus of the image. It exhibits a striking color change, appearing greenish-blue from the top and transitioning to a deep red-violet from the bottom. The facets are sharp and well-defined, reflecting light in a way that highlights its crystalline structure. The background is dark and out of focus, making the gemstone stand out prominently.

Кристина Миляева

**Александрит
баронессы
фон
Траун**

Кристина Миляева

Александрит баронессы фон Траун

«Автор»

2025

Миляева К.

Александрит баронессы фон Траун / К. Миляева — «Автор»,
2025

Мне 22 года и я недавняя выпускница Смольного института, вдова, которая потеряла пожилого мужа-дипломата. Но на приёме в Зимнем дворце со мной совершенно неожиданно начал заигрывать блестящий офицер Лейб-гвардии. Правда уже следующим утром его находят мёртвым в моём будуаре, с кинжалом в груди. В руке покойного — крупный александрит, камень моего покойного мужа, который все считали утерянным. А у меня в голове зияет дыра на месте воспоминаний. Как доказать всему двору, что я не убивала неожиданного поклонника? Или всё же убивала?

© Миляева К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Бриллиантовый вечер и пролог кошмара	5
Глава 2. Кровавое утро в будуаре	9
Глава 3. В кабинете следователя по особо важным делам	13
Глава 4. Тень покойного барона	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кристина Миляева

Александрит баронессы фон Траун

Глава 1. Бриллиантовый вечер и пролог кошмара

Тот вечер начался с пропажи. Не катастрофической, нет, – но досадной и колющей, как булавка в самом неудобном месте корсета. Мой александрит, тот самый, в старинной золотой оправе, что покойный Эдуард Карлович подарил мне на годовщину нашей, с позволения сказать, свадьбы, – исчез. Я перерыла все шкатулки, все ящички туалетного столика, заглянула под кровать и даже под ковёр – тщетно. Камень, способный менять цвет от изумрудно-зелёного при дневном свете до кроваво-красного при свечах, будто растворился в сыром петербургском воздухе.

Я помню, как сидела перед трюмо, сжимая в пальцах не камень, а пустоту, и в горле стоял комок обидной беспомощности. Это сейчас я понимаю, что это был знак, первая ниточка, потянув за которую, я распутала весь этот клубок, пропитанный кровью и ложью. А тогда я просто думала, что невезение – это конец света. Как же я ошибалась. Настоящий конец света пахнет не духами и пудрой, а снегом, кровью и ледяным страхом.

Но вечер нельзя было отменить. Приём в Зимнем по случаю визита какого-то германского принца был событием, ради которого стоило пережить и пропажу, и лёгкий траур, который я, если честно, уже почти выдержала. Полгода без Эдуарда Карловича – срок приличный. Мне всего двадцать два, и душа, вопреки всем приличиям, рвалась на бал, к огням, к музыке, к восхищённым взглядам мужчин.

Меня одевала Дуняша, моя верная горничная, молчаливая и проворная, как тень. Кремовое бархатное платье, тяжёлое, как панцирь, с кружевами брюссельскими, которые стоили, наверное, целой деревни с душами. Бриллианты в ушах и на шее – фамильные, массивные, холодные. Я смотрела на своё отражение – изящная блондинка с большими, слишком наивными, как мне часто говорили, голубыми глазами, с губами, сложенными в обиженную бантику. Баронесса фон Траун. Богатая вдова. Прелестная, но пустоголовая кукла. Таким меня видел свет. Таким я, пожалуй, и была до той ночи.

– Вам не хватает только броши, сударыня, – тихо заметила Дуняша, закалывая последнюю шпильку в мою причёску.

– Брошь исчезла, – буркнула я, с досадой отодвигая от туалетного столика шкатулку, где когда-то лежал александрит. – Словно сквозь землю провалилась.

– Обязательно найдётся, – без особой верности в голосе ответила горничная. Её тёмные глаза избегали моего взгляда в зеркале. Теперь-то я понимаю, о чём она думала. Тогда же я решила, что она просто разделяет моё огорчение.

Экипаж, запряжённый парой гнедых, мягко покачивался на неровностях мостовой. Я глядела в запотевшее окошко на мелькающие огни фонарей, на тёмные воды Невы, на силуэты дворцов, выстроившихся в немой парад вдоль набережной. В груди порхали бабочки лёгкого, приятного волнения. Я была свободна. Свобода эта, впрочем, заключалась в праве выбирать, какой веер взять на бал и с кем из кавалеров разделить танец. О большей свободе я тогда не помышляла.

Зимний дворец встретил меня ослепительным светом тысяч свечей, отражённых в бесчисленных зеркалах, гулом голосов, смехом, торжественными аккордами оркестра. Воздух был густ и сладок от ароматов дорогих духов, цветов и нагретого воска. Я скользила по паркету,

кивая знакомым, ловя на себе взгляды – оценивающие, любопытные, мужские. Я чувствовала себя своей в этом блеске, этой позолоте, этом шелесте шёлков. Это был мой мир. Я так думала.

Именно тогда я заметила его. Он стоял у колонны, прислонившись к белоснежному мрамору, и в его позе была та лёгкая небрежность, которую позволяют себе только люди, абсолютно уверенные в своём праве быть здесь. Поручик Лейб-гвардии Измайловского полка. Григорьев. Я не знала его имени, но его знала вся женская половина Петербурга. Высокий, статный, с чёрными как смоль волосами и насмешливыми, чуть раскосыми глазами. Он был красив той опасной, почти звериной красотой, которая заставляет сердца дам биться чаще, а матерей – хвататься за носовые платки.

Наш взгляд встретился через залу. Он не улыбнулся, лишь слегка приподнял бокал с шампанским в мою сторону. Я почувствовала, как горячая волна заливая мои щёки, и поспешно отвернулась, делая вид, что рассматриваю фреску на потолке. Глупость. Чистейшая вода глупость.

Мы столкнулись буквально через полчаса, когда я направлялась в буфет. Он вышел из-за поворота, и я едва не врезалась в него.

– Баронесса фон Траун, если не ошибаюсь? – его голос был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. – Позвольте представиться – поручик Григорьев. Всего лишь поручик, – добавил он с улыбкой, в которой читалось и самоуничижение, и горделивая уверенность.

– Всего лишь поручик, но уже в Измайловском полку, – парировала я, стараясь казаться равнодушной. – Это многое говорит.

– Гораздо меньше, чем вы думаете, сударыня, – он взял два бокала с шампанским с подноса пронесившего мимо лакея и один протянул мне. – Иногда мундир скрывает больше, чем показывает.

Я взяла бокал, чувствуя, как дрожат мои пальцы.

– И что же он скрывает в вашем случае, поручик?

– О, скучные солдатские будни. Пыль манёвров, грубость казармы, – он отхлебнул шампанского, и его взгляд скользнул по мне, быстрый, оценивающий. – Но я не об этом. Я слышал, вы недавно потеряли супруга. Барон фон Траун был человеком выдающимся. Мои соболезнования.

В его словах не было ни капли подобострастия. Скорее... любопытство.

– Благодарю вас, – пробормотала я, опустив глаза. – Он действительно был... выдающимся.

– Дипломат его уровня знал многие секреты. Интересно, доверял ли он их своей престелной жене? – он произнёс это почти небрежно, но в его глазах вспыхнул острый, хищный интерес.

Меня передёрнуло.

– Мой супруг считал, что место женщины – в будуаре и бальной зале, а не в кабинете среди государственных тайн, – ответила я с внезапной для себя резкостью.

Григорьев рассмеялся. Звук был приятным, но в нём слышалась какая-то сталь.

– Мудрый человек. Однако иногда самые важные тайны можно узнать именно в будуаре. Или на балу.

Он предложил руку.

– Не удостоите ли меня танцем, баронесса? Боюсь, если мы продолжим беседу столь опасными темами, нас неправильно поймут.

Я положила кончики пальцев на его мундир. Мы пошли в залу. Вальс был быстрым, головокружительным. Он вёл себя уверенно, сильно. Я чувствовала тепло его руки на своей талии, его дыхание у виска. Он пах дорогим табаком, кожей и чем-то ещё – тревожным, чужим.

– Вы необыкновенно легки, баронесса, – прошептал он, наклонясь так близко, что его губы почти коснулись моего уха. – Словно пушинка. Таких, как вы, ветер истории может унести в самое неподходящее место.

– Я не интересуюсь историей, поручик. Только модами и сплетнями.

– О, сплетни – это и есть история, рассказанная дураками, – усмехнулся он. – Но иногда в них можно найти зёрна истины. Например, я слышал, ваш супруг перед смертью был одержим поисками неких... александрийских манускриптов.

Я вздрогнула. Эдуард Карлович и вправду бормотал что-то о старых бумагах, о каком-то «восточном вопросе». Я не слушала. Мне было скучно.

– Я не в курсе, – сухо ответила я. – Как я уже сказала...

– ...ваше место в будуаре, да, – он закончил за меня фразу. Танец подходил к концу. – Жаль. Очень жаль. Потому что сейчас эти манускрипты могли бы спасти вам жизнь.

Музыка смолкла. Он отпустил меня, отступил на шаг и сделал изящный поклон. Я стояла, ощущая, как ноги подкашиваются от его последних слов.

– Что... что вы имеете в виду?

– Ничего, баронесса. Просто болтовня уставшего офицера. Простите мою глупую шутку, – его лицо снова стало маской светского безразличия. – Благодарю вас за танец.

И он растворился в толпе, оставив меня одну, с бьющимся сердцем и внезапно подкосившимся страхом. Спасти жизнь? Что за чушь?

Оставшуюся часть вечера я провела в каком-то отупении. Светские беседы казались плоской и глупой трескотнёй. Я ловила себя на том, что ищу в толпе чёрный мундир поручика, но его нигде не было видно.

Позже, когда я, уставшая и взволнованная, решила укрыться от суеты в зимнем саду, я снова увидела его. Он стоял в тени огромной пальмы, и с ним разговаривал какой-то господин в тёмном, безупречно сшитом статском костюме. Их разговор казался напряжённым. Григорьев жестикულიровал, его лицо было искажено гримасой гнева или отчаяния. Я замерла за апельсиновым деревцем, не решаясь выдать своё присутствие.

– ...она ничего не знает! – услышала я голос поручика. – Оставьте её в покое!

– Это не в вашей компетенции решать, – холодно парировал незнакомец. – Вы и так наделали много ошибок. Слишком много внимания. «Хозяйка» недовольна.

– Чёрт побери, да она просто девочка!

– Девочки иногда бывают опаснее, чем опытные шпионы. Они непредсказуемы. И у неё был камень. Где камень, Григорьев?

– Я не знаю! Клянусь, я не знаю!

В этот момент поручик поднял взгляд и увидел меня. Его глаза расширились от ужаса. Он резко дёрнул головой, давая мне знак уйти. Но я выросла в пол, не в силах пошевелиться.

Незнакомец в статском, не поворачиваясь, бросил через плечо:

– Нас прерывают. Наше дело окончено. Помните о последствиях.

И он быстрым шагом скрылся в глубине оранжереи. Григорьев несколько секунд стоял, глядя на меня, и на его лице была такая мука, такая мольба, что мне стало по-настоящему страшно. Потом он резко шагнул вперёд, схватил мою руку. Его пальцы были ледяными.

– Баронесса, вы единственная, кому я могу довериться... – он начал скороговоркой, заглядывая мне в глаза с отчаянной интенсивностью.

– Доверить что? – прошептала я.

– Найдите... – он облизал пересохшие губы. – Найдите Абрама Рабиновича. Книжная лавка «У Доминика». Скажите ему... скажите, что «Александрит не потерян». Запомните! Александрит не потерян!

– Но я не понимаю...

– И не старайтесь понять! Просто запомните эти слова! Ваша жизнь... моя жизнь... – он осекся, услышав шаги. Выпустил мою руку, отшатнулся. – Простите. Я сказал слишком много. Забудьте. Забудьте всё, что слышали.

Он повернулся и почти побежал прочь, оставив меня в полном смятении. Я стояла одна среди тропических растений, и от их пышной, неестественной зелени веяло могильным холодом. Слова «Хозяйка», «камень», «Александрит не потерян» звенели в моих ушах, словно набат. Я чувствовала, как моё маленькое, безопасное пространство рушится, как карточный домик, под напором чего-то тёмного и неведомого.

Я не помнила, как добралась до своего экипажа. Всю дорогу домой я молчала, глядя в тёмное окно, но теперь я видела не огни города, а испуганное лицо поручика Григорьева. В ушах стоял его шёпот, полный ужаса.

Дома я скинула платье, с трудом отдышавшись от тугого корсета, и упала в постель. Но сон не шёл. Я ворочалась, мысленно повторяя эту странную фразу: «Александрит не потерян». Но он же потерян! Я сама не могла его найти.

Я решила, что поручик просто сумасшедший. Или пьян. Да, наверняка, он был пьян. Эти мысли немного успокоили меня. Завтра, думала я, всё это покажется смешным сном. Завтра я снова буду думать только о новом платье из Парижа и о том, кто пригласит меня на следующий бал.

Я закрыла глаза, стараясь прогнать тревожные образы. Где-то за стенами особняка прокричал ночной сторож. Я уснула только под утро, так и не поняв, что это моя последняя ночь неведения. Последняя ночь той глупенькой баронессы, которой я была. А утром начнётся совсем другая жизнь. И первое, что я увижу, войдя в свой будуар, будет тело того самого поручика Григорьева, лежащее на розовом персидском ковре, с моим кинжалом в груди.

Глава 2. Кровавое утро в будуаре

Тот сон был странным и тяжёлым. Мне снилось, будто я танцую на краю пропасти, а моим партнёром был не поручик Григорьев, а тень в статском платье, с лицом, скрытым во мраке. Он что-то шептал мне на ухо, но я не могла разобрать слов, слыша лишь шипящий звук, похожий на змеиный. И сквозь этот шум пробивалась навязчивая, монотонная фраза: «Александрит не потерян... не потерян... не потерян...»

Я проснулась с головной болью и ощущением липкого, неотступного беспокойства. Солнечный свет, бледный и жидкий, каким он бывает только в петербургских ноябрьских утрах, пробивался сквозь щели тяжёлых портьер. Я лежала, уставившись в бархатный балдахин кровати, стараясь отогнать остатки кошмара и вспомнить, что же вчера случилось наяву. Бал. Григорьев. Его странные слова. Испуганные глаза. Всё это казалось теперь призрачным, нереальным, словно дурной сон наяву.

Мой желудок сжался от лёгкой тошноты – смесь усталости, пережитого волнения и смутного страха. Мне захотелось чаю. Крепкого, горячего, с лимоном.

– Дуняша! – позвала я, и голос мой прозвучал хрипло и несмело.

Ответа не последовало. В огромной спальне стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на камине. Я нахмурилась. Дуняша обычно была как шпионка – появлялась раньше, чем её позовёшь. Я сбросила с себя одеяло, и холодный паркет обжёг босые ноги. Накинув шёлковый пеньюар, я вышла из спальни в будуар – мою любимую комнату, светлую, устланную розовым ковром, уставленную трюмо и ширмами.

И тут время остановилось.

Первое, что я почувствовала, – запах. Тяжёлый, сладковатый, медный запах, который я раньше слышала только на кухне, когда резали дичь. Он висел в воздухе, густой и неприятный, смешиваясь с тонким ароматом моих духов «Белая сирень». Потом я увидела Дуняшу. Она стояла на пороге будуара, спиной ко мне, совершенно недвижимо. В её позе была такая окаменелость, что у меня перехватило дыхание.

– Дуняша? – снова позвала я, и на этот раз в голосе послышалась дрожь. – Что случилось?

Она медленно, очень медленно обернулась. Лицо её было белым, как мел, губы беззвучно шевелились, а глаза, широко раскрытые, смотрели на меня с немим ужасом, в котором читалось нечто большее, чем испуг – какое-то оцепенение, почти безумие.

– Сударыня... – её шёпот был едва слышен. – Господи... Господи помилуй...

Она сделала неуверенный шаг в сторону, открывая мне вид из двери. И я увидела.

На моём розовом персидском ковре, том самом, что Эдуард Карлович привёз из своей последней командировки, лежал он. Поручик Григорьев. В том самом парадном мундире, в котором вальсировал со мной накануне. Он был на спине, одна рука откинута в сторону, другая сжата в кулак у груди. Его глаза, те самые, насмешливые и живые, теперь были открыты и смотрели в потолок стеклянным, невидящим взором. А из груди его, прямо в области сердца, торчала рукоятка моего дагестанского кинжала – изящная, с чёрнёным серебром и бирюзой. Подарок мужа. Диковинка, висевшая на стене для красоты.

Мир сузился до этой точки. До розового ковра, тёмного пятна, расплзающегося вокруг мундира, и блеска стального лезвия. Звуки пропали. Я не слышала собственного дыхания, не слышала тиканья часов. Я просто стояла и смотрела, чувствуя, как внутри меня всё медленно и необратимо ломается. Это был не сон. Это была грубая, уродливая реальность, вломившаяся в мой уютный, надушенный мирок.

– Он... мёртв? – выдавила я из себя, и мой собственный голос показался мне чужим.

Дуняша кивнула, и по её мертвенно-бледным щекам покатались слёзы. Этот жест вывел меня из ступора. Волна адреналина, горячая и резкая, ударила в голову. Я почувствовала, как подкашиваются ноги, и схватилась за косяк двери, чтобы не упасть.

– Полицию... – прошептала я. – Надо послать за полицией.

Но мои ноги не слушались. Я не могла оторвать взгляд от этого жуткого зрелища. Он лежал так естественно, словно уснул. Только неестественная бледность и это ужасное, чёрное пятно, медленно впитывающееся в дорогой ковёр, выдавали в нём мёртвого. И этот запах... Боже, этот запах крови. Он заполнял всё.

В доме поднялась суматоха. Прибежали другие слуги – повар, горничные, лакей. Их испуганные возгласы, перешёптывания, кто-то заголосил. Кто-то умный всё-таки послал кучера в участок. Я стояла, как истукан, в своём пеньюаре, чувствуя себя абсолютно голой и беспомощной перед этим вторжением смерти и чужих глаз.

Первый, кто появился из официальных лиц, был участковый пристав – полный, рыжеусый мужчина с налитыми кровью глазами и тяжёлой походкой. Он пах луком и дешёвым табаком. Его звали, кажется, Степанов. Он грузно вошёл в будуар, окинул взглядом ситуацию, и его маленькие, свиные глазки сразу нашли меня.

– Так-с, – протянул он, снимая фуражку. – Баронесса фон Траун? И кто это у вас тут так неудачно расположился?

Его тон, циничный и грубый, заставил меня вздрогнуть. Это была не та почтительность, к которой я привыкла.

– Я... я не знаю, – пролепетала я. – Я обнаружила его вот так... утром.

– Обнаружили, – он усмехнулся, подойдя к телу и наклонившись. – А не вы ли, сударыня, помогли ему в таком виде оказаться? Красивый мужчина. Молодой. Ревность – штука опасная.

– Что?! – из меня вырвался возмущённый крик. – Как вы смее! Я вчера видела его впервые на балу! Я едва знакома с ним!

– На балу, – пристав многозначительно переглянулся с своим помощником, тщедушным писарем, который, бледнея, заносил что-то в протокол. – А он потом, значит, зашёл на огонёк? Продолжить общение?

– Нет! Конечно, нет! Я вернулась одна и легла спать!

– И уснула так крепко, что не слышала, как в ваш будуар проникает гвардейский офицер и кто-то его тут закалывает? – пристав подошёл ко мне вплотную. Его дыхание с запахом лука заставило меня отшатнуться. – Не находите ли вы, ваше сиятельство, что это несколько... странно?

Я поняла, что он мне не верит. С самого начала он видел во мне не жертву обстоятельств, а виновницу. Истерический комок подкатил к горлу. Я чувствовала, как красные пятна выступили на щеках.

– Я ничего не слышала! Я говорю вам правду!

В этот момент двое санитаров, вызванных полицией, осторожно перевернули тело, чтобы уложить его на носилки. И вот тогда это случилось. Из разжавшейся, до этого судорожно сжатой правой руки Григорьева что-то выпало и, звякнув, покатилося по паркету.

Маленький, тёмный камешек. Он прокатился немного и замер у ножки трюмо, где его тут же подхватил острый взгляд пристава Степанова.

– Что это у нас? – он наклонился, подобрав предмет. Положил его на ладонь и поднёс к свету.

Луч утреннего солнца упал на камень. И он вспыхнул. Вспыхнул глубоким, густо-зелёным светом, с алым, кровавым отблеском в глубине.

Я замерла, не в силах издать ни звука. Сердце упало куда-то в пятки, а потом снова подскочило к самому горлу.

Это был мой александрит.

Пристав Степанов медленно поднял на меня глаза. В них не было уже ни цинизма, ни грубого любопытства. Там было нечто иное – холодное, торжествующее понимание. Он смотрел на меня, как кот на мышку, которую загнал в угол.

– Ну-ну, баронесса, – протянул он, перекатывая камень в своих мясистых пальцах. – А это что такое? Уж не ваш ли пропавший камешек? Тот самый, что вы, по вашим же словам, нигде найти не могли?

Я не могла ответить. Горло сжалось. Я лишь молча кивнула, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки.

– Очень интересно, – пристав с наслаждением растянул слова. – Офицер мёртв в вашем будуаре. Убит вашим же кинжалом. А в его руке зажат ваш камень, который вы «потеряли». Случайностей не бывает, ваше сиятельство. Не бывает.

Он сделал паузу, давая мне осознать весь ужас моего положения.

– Поздравляю. Похоже, вы только что из свидетеля превратились в главную подозреваемую. Одевайтесь, сударыня. Вам предстоит долгий разговор. Но уже не со мной. Вашим делом займутся куда более серьёзные господа.

Он повернулся к помощнику.

– Ничего не трогать! Оцепить комнату! Доложить по начальству, что у нас дело особой важности – убит офицер Лейб-гвардии и замешана баронесса фон Траун.

Я осталась стоять посреди хаоса, который сам, казалось, замер в ожидании. Воздух был густым от запаха крови, духов и страха. Пристав Степанов, довольный своей находкой, отошёл к телу, отдавая распоряжения санитарам, которые с непроницаемыми лицами приготовились уносить носилки. Его взгляд, скользнувший по мне, был подобен прикосновению слизняка – холодный и липкий.

Дуняша, всё ещё плача, пыталась подойти ко мне, но её мягко отвели в сторону. Я видела, как дрожат её руки, как она судорожно сжимает и разжимает пальцы, и в её глазах читался не только ужас, но и какое-то странное, щемящее сочувствие ко мне. В тот момент это сочувствие было единственной опорой в рушащемся мире.

Мне приказали пройти в гостиную и ждать. Я шла, не чувствуя под собой ног, машинально затягивая пояс пеньюара. В гостиной, с её нарядной мебелью, портретами предков и позолотой, всё казалось насмешкой. Здесь, за стаканом вина, я когда-то принимала гостей, здесь смеялась и сплетничала. Теперь же комната наполнилась чужими, грубыми мужчинами в мундирах и поношенных вицмундирах, которые перешёптывались, бросая на меня быстрые, оценивающие взгляды. Я была для них диковинкой – аристократка, попавшая в кровавую историю.

Я села в кресло у окна, стиснув руки на коленях, чтобы они не дрожали, и уставилась на запотевшее стекло. За окном медленно проезжали сани, шла женщина с рынка с корзиной, смеялись дети. Обычная жизнь. А в моём доме – смерть и обвинение в убийстве.

Прошло около часа. В доме то и дело раздавались шаги, хлопали двери, доносились приглушённые голоса. Я слышала, как пристав Степанов, уже в прихожей, с подобострастием в голосе докладывал кому-то: «Так точно, ваше высочество, всё как вы изволили приказать. Камень при ней. Вещдок. Орудие преступления – её собственное».

Потом в гостиную вошёл новый человек. Невысокий, сухопарый, в безупречно сшитом статском сюртуке. Его лицо было непроницаемым, а глаза, серые и холодные, как ноябрьское небо, обошли комнату и остановились на мне. В них не было ни любопытства, ни осуждения, лишь спокойная сконцентрированность хищника, высматривающего свою добычу.

– Баронесса фон Траун? – его голос был тихим, ровным, без единой эмоции. – Я статский советник Орлов. Вашим делом буду заниматься я. Прошу вас собраться. Вам необходимо проследовать со мной для дачи показаний.

– Куда? – выдавила я, и голос мой снова предательски задрожал. – В участок?

Орлов чуть заметно улыбнулся уголками губ. Это была не добрая улыбка.

– О нет, баронесса. Участок – не для таких, как вы. У меня есть кабинет на Фонтанке. Там нам никто не помешает. И, пожалуйста, – он взглянул на мой пенюар, – оденьтесь потеплее. День холодный.

Мне позволили подняться в спальню под присмотром горничной. Дуняша, всё ещё бледная как смерть, молча помогла мне надеть тёмное шерстяное платье, самое простое, какое нашлось в гардеробе. Её пальцы леденили мою кожу.

– Сударыня, – прошептала она, застёгивая на мне плащ, – будьте осторожны. Эти люди... они не такие, как мы.

– Они думают, что я его убила, Дуняша, – прошептала я в ответ, и в голосе моём прозвучала настоящая истерика.

– Молчите, сударыня, ради Бога, молчите и ничего лишнего не говорите, – она посмотрела на меня с такой мольбой, что я на мгновение замолчала.

Спускаясь по лестнице, я увидела, как санитары выносят из будуара накрытые брезентом носилки. Длинный, неуклюжий свёрток, в котором уже не угадывалась человеческая форма. По телу пробежала дрожь. Это был он. Тот, кто вчера танцевал со мной вальс, чьё дыхание я чувствовала у виска. Теперь он был просто вешдоком, грузом, который увозили в морг.

У подъезда стоял закрытый каретный экипаж, без опознавательных знаков. Орлов вежливо, но твёрдо помог мне подняться внутрь и сел напротив. Экипаж тронулся, и я, откинувшись на спинку сиденья, закрыла глаза, пытаюсь отгородиться от реальности. Но за закрытыми веками я снова видела стеклянный взгляд Григорьева и торжествующее лицо пристава Степанова.

– Баронесса, – раздался в полумраке кареты спокойный голос Орлова. – Позвольте дать вам один совет, как человек, видевший множество подобных дел.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня всё тем же невозмутимым взглядом.

– Не пытайтесь казаться умнее, чем вы есть, – сказал он мягко. – И не пытайтесь казаться глупее. Лучше всего – быть откровенной. Полностью. Это единственный шанс выйти из этой истории с наименьшими потерями.

– Но я же ничего не сделала! – воскликнула я, и слёзы наконец вырвались наружу, беззвучные, обжигающие. – Я не виновата!

Орлов вздохнул, достал из кармана чистый, отглаженный платок и протянул мне.

– Вот именно это все и говорят в первые часы, баронесса. Все без исключения. Потом истории меняются. Давайте сэкономим время и начнём с правды. Всей правды. Например, с того, что произошло между вами и поручиком Григорьевым вчера на балу. И почему он счёл возможным явиться к вам в дом ночью.

Я смотрела на него через пелену слёз и понимала, что он мне не верит. Так же, как и тот участковый. Никто мне не верил. Я была одна в этом катящемся экипаже, увозившем меня в неизвестность, одна в этом городе, одна в этой жизни, которая за одни сутки превратилась из лёгкого фарса в тяжёлый, кровавый триллер.

И самое ужасное было в том, что я и сама начинала сомневаться. А вдруг... вдруг я что-то сделала? Вдруг это я, сама того не помня, вонзила тот кинжал? Безумие накатывало волнами, и я судорожно сжала в руке платок Орлова, чувствуя, как реальность уплывает из-под ног.

Экипаж свернул на набережную Фонтанки и вскоре остановился. Орлов вышел первым и подал мне руку.

– Прошу, – сказал он. – Мы на месте.

Я ступила на мостовую и подняла глаза. Передо мной высилось мрачное, классического стиля здание с тёмными окнами. Оно не выглядело ни тюрьмой, ни участком. Оно выглядело как место, откуда не возвращаются.

И я сделала шаг внутрь.

Глава 3. В кабинете следователя по особо важным делам

Кабинет статского советника Орлова оказался таким же, как и он сам: безупречным, строгим и лишённым малейших намёков на уют. Высокие потолки, затянутые паутиной теней, стены, обитые тёмно-зелёным сафьяном, поглощавшим свет, и массивный письменный стол, на котором царил почти воинский порядок. Ни лишних бумаг, ни безделушек. Только бронзовый чернильный прибор, тяжёлая печатка и тонкое, как лезвие бритвы, перо. Пахло здесь старыми книгами, сургучом и холодным пеплом от давно потухшего камина.

Меня усадили в кожаное кресло перед столом. Оно было жёстким и неудобным, спроектированным явно не для долгих, расслабленных бесед. Орлов занял место напротив, отодвинувшись в полумрак, так что его лицо освещалось лишь одной лампой под зелёным абажуром. Свет падал на его длинные, холёные пальцы, сложенные домиком на столе, и на часть лица – острый подбородок, тонкие, плотно сжатые губы. Глаза же оставались в тени, двумя тёмными провалами, отчего становилось ещё неуютнее.

– Итак, баронесса фон Траун, – начал он, и его тихий голос в гробовой тишине кабинета прозвучал оглушительно громко. – Давайте отбросим все условности. Вы не в светской гостиной, а я не ваш обожатель. Здесь ценятся лишь факты. И я буду их добиваться.

Он не стал тратить время на формальности, не стал читать мне мои права. Он просто начал, и с первых же слов стало ясно – этот человек знает о моей жизни куда больше, чем я могла предположить.

– Начнём с вашего супруга, покойного барона Эдуарда Карловича. Вы утверждаете, что ваш брак был счастливым?

Вопрос застал меня врасплох.

– Да... конечно. Он был ко мне внимателен, я ни в чём не знала нужды...

– Внимателен, – перебил он меня, мягко, но неумолимо. – Как к дорогой собаке, которой покупают лакомства и поводок с бриллиантами? Вы действительно хотите, чтобы я поверил, что шестидесятилетний дипломат, погружённый в государственные тайны, находил отдушину в беседах с двадцатилетней выпускницей Смольного, чьи интересы, как вы сами признались вчера поручику Григорьеву, ограничиваются модами и сплетнями?

Я почувствовала, как кровь бросается мне в лицо. От возмущения и унижения.

– Он... он ценил мою жизнерадостность!

– Он ценил ваше молчание и послушание, баронесса. Вы были идеальной ширмой. Молоды, красивы, нелюбопытны. Но давайте о другом. О его долгах.

Я замерла.

– Каких долгах? У Эдуарда Карловича не было долгов!

Орлов молча достал из папки лист и положил его передо мной. Это была выписка из банка. Цифры, обведённые красным, были астрономическими.

– Ваш «внимательный» супруг за последний год проиграл в карты и прокутил состояние, сопоставимое с годовым доходом среднего уездного города. Ваш особняк, ваши бриллианты, даже ваши платья – всё это висит на волоске от аукциона. Вы действительно этого не знали?

Я смотрела на цифры, и у меня кружилась голова. Это была ложь. Клевета! Но бумага выглядела подлинной. Печати, подписи... Я вспомнила последние месяцы жизни мужа – его озабоченность, редкие вспышки раздражительности. Я списывала это на работу. О Боже... Неужели это правда?

– Я... не ведала, – прошептала я, и голос мой прозвучал жалко и глупо.

– Не ведали, – повторил он без тени насмешки, констатируя факт. – Как и не ведали о его связях. Ваш муж в последнее время часто общался с людьми, далёкими от дипломатического корпуса. С дельцами, банкирами, даже с подозрительными личностями из-за границы. Не кажется ли вам, что его смерть... была несколько своевременной? Спасла семью от позора и разорения?

Тут я не выдержала. Я вскочила с кресла, едва не опрокинув его.

– Как вы смеете! Вы намекаете, что я... что я причастна к его смерти? Он умер от апоплексического удара! Врачи подтвердят!

– Врачи подтвердят то, что им скажут, – холодно парировал Орлов. – А теперь сядьте. Мы переходим к поручику Григорьеву.

Я опустилась в кресло, вся дрожа. Руки сжались в комок на коленях. Он играл мной, как куклой, выворачивая наизнанку мою жизнь, мои иллюзии.

– Вы знакомы с ним один вечер. Он – блестящий офицер, вы – богатая, одинокая вдова. Он проявляет к вам интерес, говорит некие загадочные фразы. И что же? Вы, светская львица, после мимолётного знакомства позволяете ему проникнуть в ваш дом? В ваш будуар? Глубокой ночью? Или, может быть, вы сами его пригласили?

– Нет! Я уже говорила! Я вернулась одна и легла спать!

– И не слышала ничего. Ни стука в дверь, ни шагов, ни крика, ни борьбы. Спите вы очень крепко, баронесса. Для женщины, находящейся в состоянии нервного возбуждения после бала и странной беседы, это более чем странно. Или вы всё-таки слышали?

Его голос был ядовито-мягким. Он подбирался к главному, и я чувствовала это каждой клеткой своего тела.

– Я ничего не слышала, – упрямо повторила я, глядя в точку на его галстук.

– Хорошо. Допустим. Тогда объясните мне вот что. Ваш кинжал. Он висел на стене. Чтобы его снять, нужно было встать на пух. Вы действительно думаете, что убийца, проникший в дом, стал бы тратить время на то, чтобы снимать со стены украшение, вместо того чтобы использовать собственное оружие? Или, может быть, кинжал уже был под рукой? Скажем, на вашем туалетном столике? Может быть, вы демонстрировали его поручику? Рассказывали историю? А потом эта история приняла... неожиданный оборот?

Перед моими глазами поплыли тёмные пятна. Он выстраивал версию, ужасную, но до безобразия логичную. Ревнивая, обманутая в своих ожиданиях ветреница, запутавшаяся в долгах мужа, заманивает в дом красивого офицера, а когда тот пытается уйти или говорит что-то обидное, в порыве гнева хватает первый попавшийся под руку острый предмет...

– Нет, – застонала я. – Всё было не так...

– А как? – он наклонился вперёд, и свет от лампы наконец упал ему в глаза. Они были серыми, пронзительными и безжалостными. – Скажите мне, как было, баронесса! Может быть, он вам угрожал? Шантажировал? Может, он знал что-то о вашем муже? Или требовал денег, которых у вас нет? Может, он был одним из тех, кому должен был ваш супруг?

– Я не знаю! Я ничего не знаю о этих долгах! И он не требовал ничего! Он только сказал... – я осеклась, поняв, что сейчас выболтаю то, что нужно было хранить в тайне.

Орлов уловил мою запинку. В его глазах вспыхнул огонёк.

– Он сказал? Что именно он сказал, баронесса? В зимнем саду. Когда остался с вами наедине. Я знаю, что вы разговаривали. Что он вам сказал?

Я сжала губы, чувствуя, как слёзы снова подступают. «Найдите Абрама Рабиновича... Скажите, что александрит не потерян». Эти слова жгли мне язык. Но выдать их сейчас, этому человеку, который видит во мне лишь глупую, лживую убийцу? Нет. Это было единственное, что оставалось у меня. Единственная ниточка, ведущая к правде.

– Он... он сделал мне нескромное предложение. Я отказала. И он ушёл. Всё.

Орлов медленно откинулся на спинку кресла. На его лице появилось выражение... разочарования? Нет, скорее, легкого презрения.

– Нескромное предложение, – повторил он. – И вы, оскорблённая добродетель, легли спать. А он, отвергнутый кавалер, почему-то проник в ваш дом и позволил себя заколоть. С вашим же кинжалом. И при этом судорожно сжимал в руке ваш камень, который вы так безуспешно искали. Очень романтическая история. Жаль, что ей не поверит ни один суд.

Он помолчал, давая мне прочувствовать всю глубину пропасти, на краю которой я оказалась.

– Баронесса, я дам вам ночь подумать. Вы вернётесь домой. Но не обольщайтесь – ваш дом будет окружён наружным наблюдением. Ни шагу за его пределы без моего разрешения. Понятно?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

– Используйте это время с умом. Вспомните всё. Каждую мелочь. Потому что при нашей следующей встрече, – его голос снова стал тихим и опасным, – я буду не так любезен. Я представлю вас не как несчастную жертву обстоятельств, а как расчётливую, лживую и крайне опасную преступницу. И поверьте, у меня достаточно фактов, чтобы сделать это убедительно.

Он позвонил в колокольчик. В кабинет вошёл тот же сухопарый служака, что сопровождал меня сюда.

– Проводите баронессу домой.

Меня подняли из кресла и вывели из кабинета. Я шла, не видя ничего перед собой, ощущая лишь леденящий холод внутри. Он сломал меня. Он показал мне, что моя жизнь – это фасад, за которым скрываются долги, тайны и ложь. И теперь на этот фасад легла тень убийства.

Меня снова посадили в закрытый экипаж и повезли обратно. Я смотрела в тёмное окно, но теперь видела не город, а насмешливое лицо Орлова и его безжалостные глаза. Он был прав. Я была глупой, ветреной куклой. Но сейчас, сквозь страх и унижение, во мне начало шевелиться новое, незнакомое чувство. Чувство яростного, животного протеста. Они все думали, что могут мной помыкать? Что я буду молчаливой овечкой, которую ведут на заклание?

Нет.

Экипаж остановился у моего дома. Я вышла и, не глядя по сторонам, вошла в подъезд. Дверь закрылась за мной с глухим стуком. Я осталась одна в пустом, тёмном доме, пахнущем теперь не только духами, но и чужим табаком, и пылью, поднятой сапогами полицейских.

Я была под домашним арестом. Я была главной подозреваемой в убийстве. Но впервые за этот бесконечный день я почувствовала не просто страх. Я почувствовала решимость. Они все – и Орлов, и тот незнакомец в статском, и призрачная «Хозяйка» – хотели, чтобы я была глупенькой баронессой.

Что ж, пришло время их разочаровать.

Глава 4. Тень покойного барона

Тишина в особняке была иной – гулкой, настороженной, населённой призраками. Каждый скрип половицы, каждый шорох за окном, где несли свою невидимую службу филёры Орлова, отдавался в моих нервах резкой, болезненной нотой. Я прошла в свою спальню, запирая за собой дверь на ключ, словно это могло защитить меня от того, что творилось за её пределами. Но защититься от мыслей, от страха, от чувства полнейшей незащитности было невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.